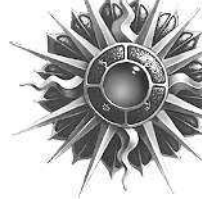

Магия Стерв

Марина Ефиминюк

Наследница

Москва

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е91

Разработка серийного оформления
С. Прохоровой

В оформлении переплета использована работа
художника *А. Дубовика*

Ефиминюк, Марина Владимировна.

Е91 Наследница / Марина Ефиминюк. — Москва :
Издательство «Э», 2016. — 352 с. — (Магия Стерв).

ISBN 978-5-699-92551-3

В ночь, когда умер глава дома Вишневых, его дочь, единственная наследница огромного состояния, исчезла. Ее считали погибшей, но Анна вернулась, да еще и с женихом, красавцем Владиславом Горским. О наследнице снова пишут газетные листы и судачат сплетницы. Однако никто не догадывается, что скрывается за возвращением Анны. Никто и не подозревает, что она умеет видеть чужие воспоминания, при этом у нее почти не осталось своих. Анна надеется, что необычный талант поможет ей разобраться в прошлом, узнать, своей ли смертью умер отец, какие секреты хранят родственники и что же такого жуткого случилось в прошлом, что его теперь так страшно вспоминать?..

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Ефиминюк М., 2016
© Оформление.

ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-92551-3

Глава 1

КОЕ-КТО ИЗ ПРОШЛОГО

«...Как утверждает лекарь, потеря памяти у Анны связана исключительно с душевным состоянием, а не с физической травмой. Конечно, она все чаще узнает места, где бывала раньше, вспоминает сцены из детства, но большая часть прошлого остается стертой. К сожалению, дар Анны блокирует магию, и мы не можем воспользоваться колдовскими средствами, чтобы окончательно пробудить ее сознание. Я не берусь предполагать, сколько потребуются времени, чтобы она восстановила память самостоятельно, и сейчас, когда неожиданно скончался ее отец, полностью поддерживаю ваш план увезти ее в безопасное место. Я разделяю ваши опасения в том, что стоит семье Вишневских узнать о болезни, как Анну немедленно закроют в пансионате для душевнобольных и лишат права наследования. От этих людей можно ожидать чего угодно. Посему в память о суниме Валентине я готова оказать всяческую поддержку в этом деликатном деле...»

*Из письма Глэдис, секретаря покойного Валентина Вишневого,
к Кастану С., судебному заступнику и лучшему другу Анны Вишневской.*

Я обвела неухоженный двор долгим взглядом. Ладный одноэтажный домик с острокопечной черепичной крышей, ряд пустых цветочных горшков у облицованной неровными камнями стены, куст черемухи у кованой ограды, деревянный лежак, заваленный стегаными одеялами из лоскутов. Холодный воздух наполнял хмельной аромат черемуховых соцветий, и он начинал густеть, лишь только затихал ветер.

Это место, пахнущее хмельно и сладко, было важным для меня? Иначе для чего бы в прошлом мне сюда приходиться и делать гравюры?

Я вытянула в руке плотную карточку с собственным портретом, подкрашенную водянистыми чернилами. Несмотря на то что по краю гравюры шел похожий на шрам излом, а от него по глянцевой поверхности разбегались трещинки, легко угадывалось, что деревянная оконная решетка и рыжий дождевой желоб были теми же самыми, что и на доме. Не возникало никаких сомнений, что неизвестный гравер запечатлел меня в этом самом дворе.

Но почему мне удалось вспомнить дорогу сюда, но само место — никак не выходило? От досады хотелось по-детски затопать ногами.

Спрятав гравюру в ридикюль, я прошла по выложенной мелкими плитками дорожке и остановилась под жестяным козырьком. Однако едва моя рука потянулась к медному, подернутому зеленоватой патиной молотку, как дверь сама собой провалилась в глубь дома, обнажив черный зев. Из темного нутра на улицу выскокил высокий всклокоченный тип в белых подштанниках и в мятом камзоле, надетом аккурат на голое тело.

Застав на пороге нежданную гостью, мужчина остолбенел, выразительно моргнув рыжеватыми ресницами.

— Калитка была открыта... — пролепетала я и, как последняя дура, уставилась на бледный торс и полоску волос на впалом животе, убегающую за пояс исподнего, вышитого трогательными незабудками. Опомнившись, мужчина резко запахнул полы камзола и попытался одернуть подол, точно стеснительная девица, обнаружившая на пороге опочивальни известного соблазнителя.

Я отвернулась, давая хозяину дома возможность привести себя в относительный порядок. Хотя бы застегнуться, раз натянуть штаны все равно было невозможным.

— Прости, Анна, я не ожидал тебя здесь увидеть... — бормотал он. — Сказать честно, я вообще здесь никого не рассчитывал увидеть...

Наплевав на приличия, я резко повернула голову.

— Вы меня знаете?

— А? — У мужчины открылся рот.

— Мы знакомы?

— Ты... Эм... — замялся он и перешел на формальное обращение, видимо, восприняв мое удивление за высокомерие: — Вы меня не помните?

Не помните? Сакраментальный вопрос, уже содержащий ответ, почему я оказалась в доме, которого не помнила, и не узнавала лица человека, с кем, по видимости, прежде встречалась. Около трех месяцев назад со мной произошел несчастный случай, и я потеряла память. В голове сохранились лишь обрывки из прошлого, мелкие, незначительные, похожие на выдранные и расплзшиеся лоскуты полотна. Конечно, клоки из воспоминаний ширились, превращаясь в полоски, но все равно пока не удавалось сшить их воедино.

— Я Генри. Мы встречались несколько раз. — Он нервически улыбнулся, на худой шее дернулся выпирающий кадык. — Очевидно, у меня не такое запоминающееся лицо, как мне нравится думать.

Не дождавшись от меня никакой реакции на неловкую шутку, мужчина уточнил:

— Он меня пустил пожить.

— Кто? — озадачилась я, надеясь, что странный Генри, измученный похмельем, если судить по запаху перегоревшего спиртного, идущего от

него, не примет меня за особу еще более безумную, чем он сам.

— В смысле, кто? — Он недоуменно моргнул. — Влад.

Знакомое до боли имя словно ударило в солнечное сплетение. Сердце глухо заухало в ребра. В голове закружились слова.

Лицо этого мужчины пряталось в тумане, как многое из моего прошлого, но даже от звука его имени грудь сдавливало горячим кольцом. Кем он был для меня?

— Он дома? — Спросила тихо, стараясь не выдавать волнения. — *Влад*.

Руки зудели от желания дотронуться до лица Генри, но испугать его не хотелось бы. Я обладала магическим даром и при прикосновении к человеку могла увидеть общие воспоминания. Безусловно, короткие вспышки походили на фразы, вырванные из контекста длинного рассказа, иногда выворачивали наизнанку самые невинные события, но именно этот странный для нормального человека талант помог мне не свихнуться в мире незнакомых лиц и потерянных событий.

— Его нет. — Генри покосился в сумрачную глубину дома и быстро облизнул сухие губы. — Войдете?

Мне отчаянно хотелось пройти в комнаты, но здравый смысл подсказывал, что без дуэньи в доме с незнакомым мужчиной, способным

оказаться каким угодно мерзавцем, находиться было опасно.

Я собралась отказаться, как в тишине громынула кованая калитка. Мы резко оглянулись на лязгающий звук. Во двор входил мужчина в дорогом костюме. Увидев нас с Генри, стоявших на пороге дома, он остановился, надел на лицо ледяную маску.

Сердце сжалось, отзываясь на его появление.

Владислав.

Даже если бы в кармане старого уличного платья не нашлась гравюра, не вспомнилась дорога в этот дом, если бы мы просто столкнулись на улице, случайно скрестились взглядами, я бы узнала его. Нашла бы в толпе, отыскала в комнате, полной народа. Наверное, подобные чувства испытывали люди, блуждавшие в тумане и вдруг увидевшие разрезавший завесу луч света: ошеломительный восторг.

Мы встретились глазами и, словно ослепнув, я сорвалась с места. Он не сделал навстречу мне даже крошечного шага, следил за стремительным приближением. Я остановилась от него в полушаге.

— Вы Владислав? Так ведь? — от волнения сел голос. — Вы меня помните? Я Анна.

Он молчал. В каре-зеленых *знакомых* глазах застыл лед.

— Посмотрите, сегодня я нашла в кармане дорожного платья. — Я поспешно вытащила из ридикюля измятую гравюру и продемонстриро-

вала мужчине. — Ведь этот оттиск был сделан именно здесь? На фоне вашего дома?

Безразличный взгляд скользнул по карточке, вернулся обратно. Никакой реакции.

— Скажите, мы были знакомы? — теряя надежду, пробормотала я.

Словно не слыша меня, он посмотрел поверх моей макушки в сторону Генри, и тот без споров и лишних вопросов, словно услышав мысленный приказ, скрылся в доме. Мы остались тет-а-тет.

— Забыла? — вымолвил Влад. Святые Угодники, даже его голос, мягкий, с вкрадчивыми интонациями, заставлял екать сердце.

— Могу я к вам прикоснуться? — уклонилась я от ответа.

— Нет.

— Мне, правда, очень жаль, но...

В следующий момент моя влажная от волнения ладонь легла на гладко выбритую щеку мужчины. Прежде чем меня накрыло наше общее воспоминание, я успела заметить, как на секунду холод его глаз сменился смехом.

...Влад нависал надо мной, обнаженный, с каплями пота на рельефном торсе. Резко выделялись ключицы, мускулы на руках были напряжены. Лицо казалось сосредоточенным, а глаза — отсутствующими. Он тяжело дышал, как после долгого бега...

Словно обжегшись, я отдернула руку и мигом из душной спальни вернулась в наполнен-

ный запахом черемухи двор. Становилось очевидным, что видение говорило о физической близости.

— Мы с вами... — Это было ужасно странно, но впервые за много месяцев у меня закончились слова.

Я уже не девственница?

Владислав вопросительно изогнул брови, и на страшное мгновение показалось, будто я озвучила мысль, больше походившую на претензию, вслух.

— У нас были... отношения? — наконец сумела я обличить вопрос в самую безопасную форму.

— Отношения? — Он иронично улыбнулся.

— Насколько мы были близки?

— Экипаж дожидается тебя? — Влад кивнул в сторону ворот, где сквозь кованые прутья виднелась улица и дорогая карета с поджидавшим меня кучером.

— Да.

— Превосходно, — пробормотал он, словно самому себе, и, сжав мой локоть, повел к калитке.

— Что ты... вы делаете? — Я попыталась освободиться, упиралась ногами, точно упрямый осел, но все равно оказалось силком приволоченной к экипажу.

— Нима Вишневецкая уже уезжает, — объявил кучеру Влад.

— Почему вы не хотите ответить мне? — С недоумением я разглядывала непроницаемое лицо. Он крепко держал меня за локоть, и от его пальцев через тонкую ткань по руке растекалось тепло.

Что в прошлом я любила в этом холодном человеке с удивительно горячими руками?

Возница открыл дверь, выказывая шикарный салон и удобные сиденья с мягкими спинками, разложил ступеньку.

— Забирайся, — последовал категоричный приказ.

— Пойдите, Влад. — Я схватила его за руку, меня лихорадило. — Просто ответьте мне.

— Покопайся в памяти.

— Проклятье, я не могу! — выйдя из себя и забыв об осторожности, воскликнула я. — Я страдаю потерей этой самой памяти! Вы первый человек, которого я узнала сама, без чужих подсказок! Неужели я бы стала задавать нелепые вопросы, если бы помнила о нас с вами?!

Последовала долгая-долгая пауза. Лицо Влада оставалось непроницаемым, а глаза — пустыми. Мне не удавалось угадать реакцию на признание.

— Доброго пути, Анна, — тихо произнес он. — Все к лучшему, что ты меня забыла. Надеюсь, что ты больше не сделаешь такой глупости и не приедешь сюда.

Мужчина развернулся и твердым шагом направился обратно к калитке.

— Я приеду завтра! — заявила я ему в спину, впрочем, не заставив помедлить или хотя бы оглянуться. — Я буду приезжать каждый день, пока не пойму, что нас связывало!

Он нарочито громыхнул калиткой, вспугнув ворону, сидевшую на маковке уличного фонаря.

* * *

В окне кареты проплывали дремотные деревенские пейзажи. Тонкая долька солнца практически скрылась за горизонтом, и последние лучи окрашивали перистые облака в розоватый цвет. Вечер плавно опускался на сонный городок в получасе езды от городских ворот. Экипаж покачивался по укатанной дороге.

...Сливочный пудинг, золотая монета, гравират¹, Искра, любовники.

В моей голове крутились сотни слов, обрывки фраз, смутные образы, но, как я ни собирала их вместе, они не сходились в единую картину.

...Кофей, каштановые волосы, каре-зеленые глаза, кристалл.

Золотое перо скользило по чистой странице блокнота, мелкими жемчужными бусами рассыпались буквы, написанные твердым совсем неженским почерком.

*Мост, огни, замок, дворец, ледяная вишня...
— Анна!*

¹ Гравират — устройство для получения и гравировки неподвижных изображений материальных объектов на слюдяной пластине при помощи магического кристалла.

Рука дрогнула. Чернильным ишрамом до края прочертилась кривая линия.

Отрываясь от чистописания, я подняла голову. По парковой дорожке, разрисованной солнечной мозаикой, в мою сторону торопилась среднего роста нима, спрятанная в глухо застегнутое до самого подбородка коричневое платье. Это она рассказала о том, что в ночь, когда меня выловили из Эльбы¹, от кровоизлияния в мозг скончался Валентин Вишневский, мой отец. Я читала о нем в листовке от какого-то газетного листа и не испытывала никаких эмоций, точно узнала о смерти незнакомца, а не человека, подарившего мне жизнь.

— Глэдис. — Я помахала рукой и закрыла блокнот, пряча бесконечные шеренги бессвязных слов.

— Нима Анна, как вы себя чувствуете? — Она присела на скамью рядом со мной. От нее никогда не пахло сладкими благовониями, как, например, от помощницы профессора.

— Тертимо.

— Вы выглядите бледной.

— Я плохо спала, — призналась я. Было так сложно цепляться за сознание, когда голову окутывал липкий туман.

...Полевые цветы, горячие руки, боль.

¹ Эльба — название реки, разделяющей город Алмерия на две равные доли, восточную и западную.